

Краеведческий альманах

ПРИОНСКАЯ
ГУБИНА

Выкса 2007

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 82(059)
П-76

Приокская глубинка № 2(2) 2007

Ну, типа, Выксунские краеведы не остались глухи и слепы к призыву откликнуться. И вот, нате вам... второй номер Глубинки :-)))

© Л. В. Шестеров, В. В. Балдина
© Администрация Выксунского района Нижегородской области

Лев Васильевич
ШЕСТЕРОВ
(1935-1988)

УЧЕНЫЕ ГОСТИ «ИЗРЯДНО ПОСЕЛЕННОЙ СЛОБОДЫ»

В русской географической литературе первое упоминание о Выксе относится к 1768 году. Когда в июле и августе её посетили два отряда первой академической Астраханской географической экспедиции. Руководили отрядами академик П. С. Паллас и адъютант И. И. Лепехин. Замысел академических экспедиции, имеющих целью изучение России, принадлежал М. В. Ломоносову осуществление научных предначертаний русского академика наткнулось на противодействие немецкого руководства академией, но главе с ловким интриганом И. Д. Шумахером.

Дело сдвинулось с мертвой точки только после прихода к власти Екатерины II. Молодая энергичная императрица поддержала идею Ломоносова, дала указание ускорить подготовку экспедиций.

Вместе с тем, Екатерина II реорганизовала управление академией. Премией высшего органа академии - канцелярию заменили комиссией из академиков во главе с директором В. Г. Орловым братом известных и любимых Екатериной гвардейских офицеров, посадивших ее русский престол. Реорганизация дала свои плоды. Подготовка экспедиции оживилась. Новое русское правительство

было кровно заинтересовано в получении достоверных и точных сведений обо всех регионах обширного Российского государства, крайне необходимых в его практической, хозяйственной и административной деятельности. В те годы даже Центральная Россия и земли между Волгой и Уралом были своеобразным белым пятном на графической карте страны. Научное описание их почти полностью отсутствовало.

Контроль на организацией подготовки экспедиций непосредственно осуществляла сама императрица. По ее же просьбе лейпцигский профессор Лудвиг рекомендовал ей в качестве руководителя одного из отрядов молодого, подающего большие надежды профессора Петра Симона Напласа. В методологическую научную основу первой академии были положены соображения уже в то время М. В. Ломоносова его практические инструкции и детальные указания руководителям.

В «Представлении» географических экспедициях от 10 сентября 1764 года, и составленной тогда же «Инструкции обсерваторам» прославленный русский академик последовательно проводил главную, основополагающую идею о комплексности, широте и тщательности географических исследований М. В. Ломоносов рекомендовал: «Будучи в

Верхне-Выксунский завод. Начало XX века

городах... описывать все, что требуется в географических запросах; записывать метеорологические наблюдения гор великих и малых проспекты снимать же. Проезжая от места до места по дороге, водою и по суху, записывать натуру мест: ибо есть лесистые они или полевые, или гористые и прочнее; также устья впадающих рек и повороты знатные».

И, наконец, в десятом пункте «Инструкции» Ломоносов уже не рекомендовал, а требовал от руководителей научных отрядов «Всего путешествия содержать повседневной верной журнал где можно вмещать знатные приключения и обстоятельства, особливо кои как в пути и в деле поспешествовали и препятствовали»

Забегая вперед скажем, что оба руководителя отрядов первой Астраханской экспедиции - П. С. Паллас и И. И. Лепехин - свято выполнили все требования М. В. Ломоносова, оставив потомкам обширные, подробные, скрупулезные научные описания пройденных маршрутов.

Итоговый труд академика П. С. Палласа под названием «Путешествие по полным провинциям Российской империи» в трех частях издавался в Петербурге в течение 1773 - 1788 годов. В свою очередь, его научный собрат и коллега по экскурсиям тоже составил не меньшее по объему и ценности 8-томное описание, наименованное им как: «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства». Издание трех солидных отчетов-фолиантов потребовало от Академии более 20 лет.

Следует заметить, что ни одно академическое экспедиционное предприятие не готовилось так тщательно и в таких благоприятных условиях как пять экспедиций 1768-1774 годов. На их подготовку и осуществление были направлены фактически все силы и вся деятельность Академии наук. Правительство же не только щедро финансировало всю организацию, но и разослало массу предписаний, указов, советов губернаторам об оказании всевозможной помощи экспедициям в организации транспорта найма подсобных рабочих, проводников охраны и т. п.

Первым в начале июня 1768 года из Петербурга тронулся в путь научный отряд И. Лепехина, а 21 июня, вслед за ним, выехал в путь и П. С. Шллас. Караван экспедиции,

состоящий из нескольких десятков подвод растянулся почти на целую версту. В обозе вместе с Палласом, ехали его жена, три гимназиста-практиканта, рисовальщик, чучельник егерь.

25 июня 1768 года отряд И. Лепехина въезжал в пределы только что отстроенного, пахнувшего сосновой смолой селения со странным названием - Выкса.

Знакомство с Выксунским заводом входило в планы И. Лепехина. В ежедневном журнале своих «Дневных записок» он писал об этом так: «Вознамерился осмотреть Выксинские железные заводы, принадлежащие тульским купцам Потаповым. Заводы сии наименование имеют от небольшой болотной речки Выксы, которая в тридцати верстах от Муроме вверх по Оке и на правом ее берегу находится». Двадцати восьми летний руководитель отряда Иван Иванович Лепехин не был знатного происхождения. Его отец отставкой солдат гвардейского Семеновского полка, как-то сумел определить своего способного десятилетнего сынишку в гимназию при Академии наук. Заведывал гимназией знаменитый путешественник и один из первых исследователей Камчатки академик С. П. Крашенинников. Затем Лепехин учится в университете руководимом А. В. Ломоносовым. Январский указ 1760 года гласил: «Быть Ивану Лепехину студентом, дать ему шпагу и привести его к присяге».

?????????. Начало ?? века

После двух с половиной лет успешной учебы в русском университете Лепехин командировается в г. Страсбург, где занимается главным образом медициной. В 1767 году, непосредственно перед началом первой экспедиции, И. Лепехин возвращается в Россию. К этому времени он был уже широко образованным естествоиспытателем - ботаником и вместе с тем, ему было присвоено ученое звание доктора медицины.

Итак, отряд талантливого русского ученого прибыл в Выксу. Но здесь И. Лепехина ждало разочарование, как он сам записал в журнале: «труд наш был тщетен». Завод после пожара не работал. Пришлось менять планы.

«Не имея никакого предмета, который бы нас замедлить мог помышляли о возвратном пути, но чтобы труд и иждивение не тщетно пропали заехали на железные рудники».

И. Лепехин первым из русских ученых дает краткое описание качества местных руд условия их залегания и добычи. Он же обратил внимание и на обеспеченность завода и рудников рабочей силой, особо подчеркивая применение женского и детского труда.

«В прочем заводы сии снабжены всем потребным. Заводчик по обыкновению и по установлению в России о рудных заводах, имеет изрядно посменную слободу крестьян, которые он единственно для заводского употребляет дела. Бабы и малые ребята имеют при заводах приличную я с силами их сходную работу. Сверх сего много есть наемщиков из окрестных деревень».

Отметил автор «Дневных записок» и характер выпускаемой Выксунским заводом продукции: «Кроме полосного железа, на Выксунских заводах делают разную утварь, как-то: чугунные котлы, топоры, молоты, ломы и сии подобные орудия».

На этом визит отряда И. Лепехина в Выксу был исчерпан. Далее путь лежал в Арзамас.

Спустя две недели по свежим следам И. Лепехина в Выксу прибыл второй отряд первой Астраханской экспедиции, руководимый П. С. Палласом. Петр Симон Паллас родился в 1741 году в семье профессора хирургии Берлинской медицинской академии. В детстве он изучал латинский, французский и английский языки. Учился в Геттинген-

не, Голландии и Англии. Но медицина не увлекала пытливого юношу, и он не пошел по стопам своего отца. Палласа влекла к себе натуральная история, под которой понимали тогда комплекс знаний о природе - ботаника, зоология, геология, географии. И он стал в этой области крупнейшим ученым энциклопедистом. Предвосхитив в своих трудах эволюционную теорию Ч. Дарвина.

Получив приглашение переехать в Россию, П. С. Паллас долго колебался, но в конце концов принял приглашение, в чем ему не пришлось раскаяться. В России перед молодым, эрудированным, широко мыслящим, добросовестным и пунктуальным ученым открывалось поистине беспредельное поле деятельности, чем Паллас и воспользовался в полной мере. Его многочисленные труды, начатые во время еще первого похода, получили огромное признание за границей, принесли ему славу, почет и обеспеченную жизнь в России.

Паллас описывает путь, которым он ехал в Выксу из Муром. «Туда избрал я ближайшую, но трудную дорогу, которая по сию сторону, простирается через деревни: Панфилову Анохину, Елино и Азовку».

Мартеновский цех металлургического завода

В районе современной пристани Досчатое Паллас переезжает через Оку. В деревне его поражают люди с зобами. После записывает в журнале: «Верст за 6 от Оки переезжает речку Мотмос при деревне того имени. Здесь увидел я в первые в России людей с зобами хотя сия деревня не большая много в ней как малых, так уже взрослых детей зобами отягощенных. Сказываю продолжает далее Паллас, что в других по соседству имениях есть многие с зобами как здесь вся речная вода, которую везде употребляет несколько марциальных, а больше мергельных имеет в себе частей то кажется можно еще неизвестное от болезни есть ли бы во многих других местах, жители заражены такою болезнью примечали подобное свойство воды».

Как видим здесь Паллас высказал правильное предположение о причине возникновения зоба как следствия недостатка питьевой воде определенных минеральных веществ.

Прибыв в Выксу, И. С. Паллас отметил причину пожара завода, «молнии сгоревшего», летом 1767 года. Таким образом, Выксунский завод после пуска проработал около полугода. Как и И. И. Лепехин, П. С. Паллас обратил свое особое внимание на Выксунские рудники, но, в отличие от своего коллеги, он дал более подробную характеристику залегающих здесь руд, отметив при этом, рискованность дудочной добычи руды.

«Для снискания железной руды везде копают на удачу иловатую, светлосерую и желтоватую с вохрой смешанную землю, и находят руды в глубине от пяти до семи сажень (10-14 м. Ш. Л.); и тогда идут во все стороны не обивая стен у ямы досками и не ставя подпор под висящую подрышную землю; почему нередко давит работников обрушившаяся земля».

Выкса лежала почти в самом начале долгого, шестилетнего пути познания России. За период с 1768 по 1774 годы было проведено пять экспедиций. Две носили название - «Астраханских» и три - «Оренбургских». Итоги оказались блестящими. Обширные отчеты руководителей экспедиций: И. С. Палласа и И. И. Лепехина не потеряли своего значения в наши дни, поскольку в них зафиксированы сведения о флоре, фауне, состоянии лесов, рек и дру-

Строительство нового прокатного стана, 2007 год

гих природных объектах, еще не вовлеченных в хозяйственную деятельность человека. Поэтому их описания могут служить своеобразным эталоном для советских ботаников, лесоводов, географов. Исторические же сведения о сотнях населенных пунктов XVIII века представляют интерес для всех, интересующихся историей своего края.

Ценность записок П. С. Палласа и И. И. Лепехина, давших первое описание местности, особенностей добычи руд, рода занятий местного населения и отметивших другие характерные штрихи жизни Приокского края, для нашей местной истории не вызывает никакого сомнения, а только признательность, благодарных потомков Выксы.

ВЫКСА

В голубом ожерелье прудов
И с зеленой короной лесною,
Ты, создание прошедших
веков,
Нас пленяешь своею красою.
Ты возникла в былинных
лесах.
Где разбойничий свист
раздавался
И Илья-богатырь не за
страх
С разной нечистью храбро сражался
Не случайно красоты твои,
Руды, скрытые в недрах
глубоко,
И могучие сосен стволы
Привлекли Баташовское око.
Речку Выксунь в хомут
запрягли
И заставили плавить железо.
Есть на золоте стали они
И в имени жили, как крезы.
Здесь царили веселье и страх.
Нищета или роскошь без счета.
Блеск камней у господ на
пирах.
Как на зайцев, на беглых
охота!

Князь Потемкин - приятель у них.
 Ананасы ему посылали.
 И сведенные с корня стволы
 Домны жаркие жадно глотали
 А создателям сказочных благ,
 Изнуренным трудом непосильным.
 Утешеньем служил лишь кабак
 Окурялись в нем ладаном
 винным.
 Мастерство и искусство
 сплавляя.
 Лили в формы тяжелый.
 чугуна.
 В кружева и цветы
 превращая
 Двести лет блещут воды
 прудов.
 Спят в земле мастера
 прапрадеды.
 Ни могил ни имен, ни
 крестов,
 Ни с пытливым потомком
 беседы...
 Но, как память безвестным
 творцам,
 Остаются в веках
 многотрудных
 И камин, и решетки к
 дворцам,
 И изящество бюстов
 чугунных.

ВЫКСУНСКИЙ ПАРК

В нашем парке старинном.
 Что над прудом темнеет,
 Липы тесно сплелися
 Над центральной аллеей.
 Выкса: город любимый
 Выкса город родной
 Как к лицу тебе. Выкса.
 Этот цвет золотей!
 Осень в выксунском парке
 Все прекрасней на свете.
 Как слезами, листьями
 Липы плачут о лете.
 Двести лет прошумели
 Ветры и радужных кронах,
 Но все так же алеют
 Листья парковых кленов.
 Здесь когда-то тоскливо
 Звуки скрипок звучали
 И охотничьи роги
 В роще им отмечали.
 Парк, как люди, с годами
 Потихоньку стареет.
 И под звонкой пилою
 Говор листьев немеет.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Крутятся-вертятся два
  колеса,
А у дороги не видно конца.
Как космонавт по орбите
  земной,
Мы по кольцу едем вместе
  с тобой.
Это кольцо - золотое для
  всех
Золото, памяти—крепкий
  доспех,
Золото в блеске церквей
  вековых.
В желтых кувшинках и нивах
  родных.
Тропами древних российских
  дружин,
В смраде бесчисленных
  автомашин
Мы поспешаем на встречу
  с тобой,
Русской истории круг золотой.
Дух поколений, минувших
  давно,
Нам открывает резное окно!
Прялка и ковшик, топор
  боевой.
Меч полководца и звон
  вечевой.
Золото предков не влезет
  в кошель.
Блеском своим не ослепит.
  поверь.
Родины чувство, эпох разных
  связь
Золотом с памятью крепко
  слилась!

Тысяча верст промелькнула,
  как тень.
Снова взойдет над землей
  новый день.
Снова за руль велосипед
  поведем.
Труднее счастье в походе
  найдем.

РОДНОЙ БРАТ ВЫКСЫ

Название этого небольшого рабочего поселка, центра Бельковского района Рязанской области, сегодня мало кому известно.

Большинство хорошо знает город Гусь-Хрустальный Владимирской области, прославившийся выпуском хрустальных бытовых и художественных изделий. Общее коренное название и города и поселка - Гусь связано не с известной каждому домашней птицей, а с названием речки Гусь, протекающей по болотистой, лесистой Мещере и впадающей в реку Оку. Энергетическую мощь речки Гусь и использовали. в XVIII - XIX веках, расположенные в ее низовьях и верховьях железные и хрустальные заводы.

Производственная специализация отразилась в окончательных названиях населенных пунктов: Гусь-Железный и Гусь-Хрустальный. Но раньше часто вместо производственного признака использовали фамилии бывших владельцев и основателей и называли их: Гусь-Баташев и Гусь-Мальцев. Горнозаводское село Гусь-Железный возникло на месте села Веркуц после постройки здесь в 1759 году братьями Баташевыми второго в Приочье мощного Гусевского чугунолитейного и железоделательного завода. Семь лет, до постройки очередного третьего по счету Выксунского завода ставшего впоследствии их любимым местопребыванием, братья Баташевы прожили на Гусе.

И вот снова в 1783 году, после раздела нажитого совместно горнозаводского хозяйства, сюда, в покинутый Гусь-Железный, вернулся и осел на долгие годы старший брат Андрей Родионович Баташев. Обретший хозяина, Гусь-Железный отныне, подобно Выксе, становится его личной резиденцией, стольным селом, центром промышленно- вотчинной державы, включающей в себя семь металлургических заводов, обширные земли, леса.

Так исторически оформился раздел единого доселе горнозаводского хозяйства на две смежные группы: Выксунскую и Гусевскую со своими центрами в Выксе и Гусе-Железном. Сделавшись стольным селом, Гусь в течение ряда лет перепахивается и его архитектурно-парковый ансамбль в конце концов приобретает блеск и величие, свойственное богатейшим, барским усадьбам того времени. Родственные отношения хозяев Гуса и Выксы, общность их привычек, взглядов и причуд, стремление Андрея Родионовича сделать на Гусе все так же, как на Выксе, придали Гусю заметную одинаковость и схожесть с Выксой. Достаточно обратить внимание на аналогичную архитектуру барских домов с примыкающими к ним парками, близость усадебного комплекса к заводу, плотине, пруду, церкви, наличие театра и оранжерей. Особенности усадебных ансамблей Гуса и Выксы определяются только различиями их естественных ландшафтов, которые обуславливают некоторые особенности планировки.

Гусь-Железный невелик, и посетившему его туристу не потребуется много времени для осмотра. Все основные усадебные постройки расположены на живописном крутом взлете широкой речной долины, промытой полноводной и быстрой речкой Гусь. Всю долину поперек, начиная от барского дома, пересекает плотина, по которой проложено шоссе, идущее на Рязань и Москву. Плотина облицована тесаными глыбами белого известкового камня и густо поросла деревьями и кустарниками. Справа от плотины болото - это все, что осталось ныне от знаменитого двадцативерстного Гусевского пруда. В конце плотины были когда-то ворота для въезда в завод и башня, на которой был подвешен выкованный из железа гусь.

Налево за речкой на небольшой возвышенности видны курганы металлургического шлака и кирпичного боя - безмолвные следы интенсивной, многолетней производственной деятельности стоявшего на этом месте Гусевского металлургического завода.

Бывший дом заводчика Баташева отдан сегодня детскому санаторию. За домом запущенный, густо заросший кустарником, травой и крапивой и окруженный полуразрушенной, выщербленной кирпичной стеной парк. Там и

сям по парку видны кирпичные развалины и фундаменты, стоявших здесь некогда беседок, оранжерей и фонтанов. Нельзя не обратить внимание и на стоящую рядом с парком, построенную учениками знаменитого архитектора Расстрелли, величественную белокаменную церковь. Если пройти к старому гусевскому кладбищу, расположенному в полукилометре от церкви по направлению на юг, то на его территории можно увидеть высокую мраморную колонну увенчанную крестом - это могила... всесильного А. Р. Баташева.

Рядом с ней, на могиле его жены, стоит чугунная усеченная пирамида с литым венком и стихами. Бросается в глаза обилие разбросанных повсюду разрушенных и полуразрушенных надмогильных чугунных памятников старинного литья.

Жизнь на Гусе-Железном в пору уже начавшегося заката былой славы заводов хорошо описана посетившим Гусь в 40-е годы XIX века писателем П. И. Мельниковым-Печерским в расказе «Семейство Богачевых». Во время экскурсии по Гусю-Железному неплохо освежить в памяти этот красочный, документально-достоверный рассказ.

Возникшие в одно историческое время Гусь и Выкса, претерпев в XIX в. похожие в основном многолетние производственные трудности, в итоге пришли к разным результатам. Гусевский завод в 1902 году закрылся и Гусь-Железный, насчитывающий в период расцвета до пяти тысяч жителей, захирел. О существовании здесь металлургического производства слабо напоминает сегодня только существующая здесь, полукустарная металлообрабатывающая артель, расположенная в старинном производственном помещении около барского дома.

Доехать до Гуся-Железного можно своим транспортом: велосипедом, мотоциклом или автомашиной через Муром - Меленки - Касимов - Гусь-Железный, по хорошей асфальтированной дороге. Или «Ракетой» по реке Оке от пристани Шиморского до г. Касимова, а затем рейсовым автобусом останется проехать до Гуся еще 18 километров. Предпочтительнее, разумеется, ехать своим транспортом. В этом случае, помимо Гуся и Касимова, можно осмотреть еще и Сынтульский завод чугунного литья. Это

единственное уцелевшее предприятие Гусевской группы заводов. Он расположен в 2 км от дороги, ведущей из Касимова на Гусь. В Сынтуле возле старой деревянной церкви внимание привлекают редкие, чугунные памятники, отлитые на местном заводе. Посетите в летние месяцы Гусь-Железный, побродите по его парку, искупайтесь в прохладных, прозрачных водах речки Гусь, познакомьтесь воочию с двойником нашей горнозаводской Выксы. Посещение живописного Гуся-Железного оставит неизгладимое впечатление и позволит более зримо представить историю создания старейшей в России Приокской металлургии.

Памятник братьям Баташевым
в Выксунском парке

«ПОЕХАЛ Я НА ВЫКСУ»

Наш город за свою двухсотлетнюю историю не был особенно избалован вниманием со стороны русских литераторов. Хотя, как это уже не раз отмечалось в газете «Выксунский, рабочий», в разное время Выксу посещали, жили и в равной мере отражали в своем творчестве такие писатели как П. И. Мельников Печерский, драматург А. В. Сухово-Кобылицын, его сестра Е. В. Салиас Де'Турнемир и ее сын, автор романа о Выксе «Владимирские мономах» - К. А. Салиас Де'Турнемир. А в советское время - А. Письменный, Н. Ключарев, О. Чекина.

Тем примечательнее является недавно установленный мною факт посещения нашего города в декабре с 1827 года известным поэтом XIX века, другом А. С. Пушкина - Вяземским Петром Андреевичем.

В карте «Записные книжки» 1813 - 1848 гг.» П. А. Вяземского, изданной в 1963 году в издательстве «Науке», в записной книжке № III на стр.107 мы читаем: «Выехал я из Москвы 12-го числа в 7 ч. вечера. В полдень на другой день был во Владимире, ночью в Муроме, на другое утро поехал я на Выксу к Шепелеву, верст тридцать от Мурома. Едешь Окою - от сего ночью вывезли меня на вторую станцию от Мурома».

Вяземский заезжал к владельцу Выксунских горных заводов генерал-лейтенанту Д. Д. Шепелеву попутно, направляясь в имение своей жены. Мещерское, находящееся в Саратовской губернии неподалеку от г. Пензы.

Д. Д. Шепелев

Для того, чтобы встретиться с Шепелевым, он делает значительный крюк, так как обычно ездил в Мещерское через г. Рязань.

Невольно возникают вопросы: для чего, заезжал предкабристски настроенный поэт к известному генералу и заводчику, какие формы носило их знакомство, чем они были интересны друг для друга и т. д.?

Слабый свет на эти вопросы проливает еще двукратное упоминание, в этих же записных книжках, об их более ранней встрече, произошедшей в 20-х годах в одной из петербургских гостиных. Более подробно я расскажу о ней позже, а пока нужно заметить, что это первое упоминание П. А. Вяземским имени Шепелева и его визит в Выксу в 1827 году, разделяет солидный промежуток времени в 7 лет, который мы пока и будем считать стажем их знакомства.

Таким образом, можно сделать первый вывод, что кратковременный приезд П. А. Вяземского в Выксу не был случайным или связанным с чьим либо поручением, а логически вытекал из факта их долголетнего знакомства. И хотя пока больше нет свидетельств о других встречах Вяземского и Шепелева, несомненно, что они длительное время поддерживали связи и в Москве, где Вяземский, подвергнутый опале за вольнодумство, прожил с 1822 до 1829 г. Естественно, что он не мог не бывать на Шепелевских балах-приемах, на которые съезжалась и кормилась, как выразился я в своих воспоминаниях Е. М. Феоктистов, вся Москва.

Дополнительным связующим звеном для них мог быть хороший знакомый П. А. Вяземского и Д. Д. Шепелева прославленный партизан Отечественной войны 1812 года, поэт и гусар - Денис Давыдов. Подтверждение знакомства Шепелева и Д. В. Давыдова мы находим в книге последнего «Сочинения», изданные в Москве в 1882 году. В главе «Материалы для современной военной истории (1806—1807 гг.)», на стр.190 читаем.

«Проездом через Скидаль я заезжал в Озерках к Шепелеву, который был тогда полковником, формировал Гвардейский (что ныне Клястицкий) гусарский полк.

Второе упоминание его о Шепелеве можно прочесть на стр. 537, где Д. В. Давыдов отмечает обильный обход данный им после Тарутинского сражения своим боевым соратникам.

Из сказанного следует, что записные книжки, которые Вяземский вел долгие годы, отразили только слабое эхо их взаимоотношений, во многом для нас пока еще неясных, но тем не менее очень интригующих.

Дальнейшие исследования в этом направлении более поздно раскроют характер этой весьма парадоксальной взаимосвязи блестящего поэта, стоящего на антикрепостнических и антидержавных позициях и профессионально-военного, помещика-крепостника и заводчика Д. Д. Шепелева.

А пока вспомним некоторые биографические сведения о П. А. Вяземском и Д. Д. Шепелеве, которые помогут нам в дальнейшем сделать некоторые выводы и обобщения.

Генерал-лейтенант Шепелев Дмитрий Дмитриевич происходил из старинного дворянского служилого рода, основатель которого: «В лето 1376 приехал из немцев из Свейского королевства в Польшу к королю Ольгерду муж честен именем Шель с вотчиною Ермоливальскою, и в Польше крестился, и в крещении имя ему Георгий, по прозванию Юрий, и из Польши приехал к великому князю Дмитрию Донскому».

(Русский Архив 1865 г. № 3 стр. 438)

«Муж честен именем Шель», а затем его сын по прозванию Шепель и положил основание шепелевского рода XIV веке. На протяжении всех последующих поколений представители шепелевского рода несли службу русским царям в качестве воевод, стрелецких голов других некрупных военачальников. Многие из них, как это показано в «Русской родословной книге», сложили свои головы на поле брани.

В XVIII веке род Шепелевых сумел увеличить свой удельный вес и роль в общественно-политической жизни России. Отдельные его представители начинают занимать крупные посты в государстве и армии. Так, например, двоюродный дед Д. Д. Шепелева. Шепелев Дмитрий Андреевич служил в гвардии при Петре I, был с ним в путешествии по Европе, занимал должность гофмейстера (придворный титул человека, который ведал приемами и довольствием двора). Строил Зимний дворец, который впоследствии часто назывался «шепелевским». Петр Амилеевич Шепелев был сенатором при Екатерине II и т. д.

Как и все свои предки, Д. Д. Шепелев рано начал свою военную службу. В 1782 году шестнадцатилетним юношей его определили сержантом в лейб гвардии Преоб-

раженский полк. Затем началось быстрое восхождение по служебной лестнице чинов и званий.

Прослужив 17 лет в ряде кавалерийских, драгунских и гусарских полков - он в 1799 году становится уже полковником. Еще через восемь лет в 1807 г. он получает звание генерал-майора, а в 1810 г. уходит в отставку. В Отечественную войну 1812 года он возвращается на службу. Участвует в Бородинском сражении, командуя гвардейской кавалерийской бригадой. В 1813 году произведен в генерал-лейтенанты, а затем в 1816 г. по болезни ушел в отставку.

За более чем сорокалетний срок своей службы в рядах русской армии он участвовал в многочисленных войнах и сражениях и проявил себя как храбрый офицер.

В 1794 году, под командованием А. В. Суворова он участвует в штурме предместья г. Варшавы - Праги. При этом получает тяжелое ранение и контузию. За отвагу, проявленную при штурме, награждается золотой шпагой с надписью: «За храбрость». В 1799 г. участвует в Швейцарском походе Суворова и в составе корпуса Римского-Корсакова в битве под Цюрихом.

Он также постоянный участник всех войн России с Наполеоном. Сражался с французами под Аустерлицем, Фридландом и других местах, за это получает вторично золотое оружие, а именно золотую саблю, усыпанную алмазами. Вторичное награждением золотым оружием «За храбрость» было редким явлением в русской армии. Достаточно сказать, что из перечисленных в книге «А. В. Суворов и его современники» 131 русского генерала, только пятеро (и в том числе Шепелев) были удостоены золотого оружия дважды. Портрет генерал-лейтенанта Шепелева работы художника Доу в числе 332 других портретов русских полководцев и сегодня можно увидеть в Военной галерее 1812 г. в Эрмитаже. Другой его портрет висит в Бородинском музее.

Такова служебная биография Шепелева. В 1807 году он женится на внучке И. Р. Баташева Дарье Ивановне и согласно завещанию основателя заводов становится опекуном и совладельцем громадного горнозаводского имения.

Выксунские заводы при Д. Д. Шепелеве заслужили славу одних из передовых в России по техническому оснащению. Именно в эти годы получает свое наивысшее развитие знаменитое сноведское чугунное литье. Но в то же время его безудержное мотовство положило начало упадку и разорению заводов. Приведенная биография Шепелева показывает его как яркого представителя традиционно-служителей дворянской династии.

В противовес ему П. А. Вяземский мог похвастать гораздо большей знатностью своих предков. Он родился в 1792 году и являлся потомком князей рюриковичей. Получил блестящее домашнее образование. В 1812 году вступил в ополчение и участвовал в бородинском сражении, при этом под ним были две лошади. Возможно, что первоначальное, не зафиксированное документально, знакомство его с Шепелевым произошло именно здесь, на Бородинском поле. Уже с ранних лет Вяземский проявляет исключительный интерес к литературе, чему немало способствовал литературный салон его отца.

В 1815 году вместе с А. С. Пушкиным и другими поэтами и писателями активно выступает в прогрессивном и передовом литературном объединении «Арзамас».

В 1817 году он на государственной службе в Варшаве. Во время приездов из Варшавы в Москву и Петербург в 1819 и 1820 годах Вяземский общался с будущими декабристами, принимал участие в составлении записки о проекте освобождения крестьян, поданной Александру I.

За антиправительственную и либеральную деятельность П. А. Вяземский был подвергнут ссылке в Москву. Здесь он издает журнал «Московский телеграф». Расправа над декабристами породила ненависть П. А. Вяземского к царю и его приближенным, что отразилось на его творчестве и либеральном направлении журнала. Многочисленные доносы вынудили его прекратить выпуск журнала и уехать в деревню. Именно в это время, в переломный момент своей жизни и посещает Вяземский Выксу и Шепелева.

Прожив более года в деревне, он пишет письмо царю, получившее название «Моя исповедь», в котором, оправдывая свои действия, выступает в защиту русского свобо-

домыслия, и осуждает самодержавие. «Исповедь» Вяземского явилась как бы концом его оппозиционной правительству деятельности, начало которой относится к 20-м годам, времени подготовки и подачи проекта конституции и освобождения крестьян.

Возвращаясь к этому периоду жизни П. А. Вяземского, мы возвращаемся и к первой встрече его с Шепелевым.

Радикальные реформы 20-х годов Вяземского и других прогрессивных деятелей, вызвали большой общественный резонанс и широкое обсуждение их в различных кружках, компаниях, на приемах и встречах.

В одной из таких дружеских компаний при обсуждении вопросов, связанных с управлением государством, присутствовавший Д. Д. Шепелев с большой амбицией и претензией на государственную мудрость заявил:

«Если я имел бы счастье заседать в государственном совете, я государю сказал бы... «глупость», - прервал его Бороздин». (Записки, кн. № 8 1829-1837. стр. 199).

Интересно, что резкая отповедь генерала Бороздина Шепелеву не была воспринята как оскорбление. Не произошло ни ссоры, ни дуэли, как это было в шепетильные, в вопросах чести, пушкинские времена. Это говорит за то, что все здесь были свои люди, связанные дружескими отношениями и говорящие все, что думали.

К слову «Бороздина Шепелеву» Вяземский возвращается вновь в записной книжке № 13 (1838-1860 г.) стр. 272 и не удовлетворившись этим, при одной из первых же публикаций своих записных книжек, осуществленной еще при его жизни, в журнале «Русский архив» за 1875 год, несколько подробнее останавливается на этом эпизоде. При этом фамилию Шепелев он заменяет буквой «Ш» и выбирает упоминание государя.

«Ш. говорил кудревато, высокопарно и с какой-то заведенною торжественностью. В начале 20-х годов толковали, в одном приятельском кружке о какой-то правительственной мере, которая была вопросом дня. Каждый выражал свое мнение. Ш. вмешался в разговор и сказал* «Если имел бы я высокую честь заседать в государственном совете и т. д.»

(ж. «Русский архив» 1875 г. кн. I. стр. 196)

Настойчивость, с которой Вяземский возвращается к этому незначительному эпизоду, наводит нас на мысль о каком-то скрытом, более глубоком смысле, который имел этот анекдотический случай.

Несомненно одно, что Вяземского раздражала не только бесцеремонность Шепелева, а главным образом его неприятие всяких реформ и претензия на государственную мудрость. Хотя сам он был не в состоянии справиться с управлением даже в своих имениях и заводах, не говоря уже о государстве.

А так рассуждал не только Шепелев, но и почти все многочисленное профессиональное служилое дворянство. Именно оно выступало главным противником всяких преобразований и противником самому Вяземскому. Это подтверждает и эпиграмма поэта, относящаяся к тому же времени.

Пусть остряков союзных глупость
Готовит на меня свой нож.
Против меня глупцы! - так что ж?
Да за меня их глупость.

«Глупцы» - противники реформатора Вяземского и в их рядах Д. Д. Шепелев. Доказательством реакционности его взглядов может служить предание, записанное старожилками Выксы - В. П. Порхачевым и А. Ф. Зыкиным Так В. П. Порхачев пишет:

«После восстания декабристов стали распространяться слухи «о воле». Некоторые мастера осмеливались помещать на изделиях слово «свобода». Когда Шепелеву доложили об этом, он громко рассмеялся и сказал: «Кто может отнять моих подданных? Царь? - он такой же помещик, как и я».

Позиция дворян «шепелевского» типа, их консервативность и почти повсеместное влияние в армии, определили неуспех декабристского движения и последующую измену своим декабристским взглядам самого П. А. Вяземского. Не случайно, по-видимому, он приезжает в момент наибольшего колебания своих либеральных позиций, вызванных осознанием бессмысленности своей борьбы с самодержавием, опиравшегося на верную армию, которой командовали Шепелевы. Их «глупостью» П. А. Вяземский

хотел оправдаться и перед потомством за утрату своей революционности. Мы знаем; что под конец жизни он занимает высокие государственные посты и становится ярким врагом революции.

Но если в общественной жизни Д. Д. Шепелев был идейно-политическим его противником, то в личных отношениях, в сфере житейской, бытовой он был интересен, как человек с незаурядной судьбой. Гусар, участник многочисленных походов, в том числе под командованием А. В. Суворова, он мог много порассказать интересного русскому литератору.

Установленный мною факт знакомства Вяземского и Шепелева примечателен для нас, выскунцев, еще в одном аспекте, а именно - в аспекте возможного знакомства А. С. Пушкина и Д. Д. Шепелева. Пока нет еще прямых доказательств этой версии, но косвенные факты говорят, что если даже они и не были лично, знакомы, то А. С. Пушкин хорошо знал шепелевский род и самого Д. Д. Шепелева.

Во первых, у А. С. Пушкина и Д. Д. Шепелева были уже, упомянутые мною, общие знакомые - Друзья Денис Давыдов и П. А. Вяземский,

Во вторых, каждый знает, что А. С. Пушкин был не только гениальным поэтом, но и историком, много затратившим труда на изучение эпохи Петра I и всего XVIII века, а в XVIII веке Шепелевых нельзя не заметить, хотя они и не были звездами первой величины, и А.С. Пушкин их заметил. Так, в примечаниях к «Истории Пугачева» он приводит историю одного из Шепелевых (а им был Петя Амтелеевич Шепелев с генерал-поручиком Голицыным П. М.).

«Князь Голицын нанесший удар Пугачеву, был молодой человек и красавец. Императрица заметила его в Москве на бале (в 1775 г.) и сказала: «Как он хорош! Настоящая куколка». Это слово его погубило. Шепелев (впоследствии женатый на одной из племянниц Потемкина) вызвал Голицына на поединок и заколол его сказывают изменнически. Молва обвиняла Потемкина».

(А. С. Пушкин. Собр. соч. 1962 г., т. 7, стр. 154).

В-третьих. А. С. Пушкин был постоянным читателем журнала «Отечественные записки», а именно в нем в трех номерах - за апрель, май и июнь 1826 года - была напеча-

тана статья П. П. Свинына «Заводы, бывшие Баташева И. Р., а ныне принадлежащие ген. л-ту Шепелеву Д. Д. и его детям». Не прочитать ее Пушкин не мог, так как она занимает большую часть объема этого небольшого, размером с большую записную книжку, журнала.

В-четвертых, А. С. Пушкин отдал свою дань увлечению, а именно «государством», которое было характерным бытовым и психологическим явлением русской жизни эпохи наполеоновских войн, посвящая ему много стихов А. Шепелева, как и друг А. С. Пушкина Денис Давыдов, был заметным представителем гусарского племени, чья жизнь проходила в походах, сопровождаемых пирушками у бивуачных костров, картежной игрой и лихими любовными похождениями.

Таковы основные косвенные свидетельства, касающиеся предполагаемого знакомства А. С. Пушкина и Д. Д. Шепелева. Кроме перечисленных мной по этому поводу соображений отзвук романтической истории женитьбы промотавшегося гусара Д. Д. Шепелева на внучке заводчика миллионера И. Р. Баташева, отразился в какой-то мере в рассказе Пушкина «Станционный смотритель».

Громкая история этой «гусарской» женитьбы, рассказанная в воспоминаниях капельмейстера шепелевского театра Н. Е. Афанасьева, выглядит следующим образом:

«Сильно расшатав свое состояние, он начал приискивать богатую невесту. Слух о Баташевой, единственной наследнице громадных имений, дошел до него, и он повел атаку. Узнав, что Баташовых безвыездно живут на Выксунском заводе, он порешил атаковать крепость на месте. На его счастье, на Выксе жил его знакомый доктор. Он списался с ним, обещал щедро наградить доктора, если он ему поможет и затем явился на Выксу под предлогом заказа. У дома Баташева ломается его коляска. Шепелев падает и не может встать. Явившийся доктор объявил, что полученное повреждение сопряжено с опасностью для жизни. Шепелева вносят в дом, за ним ухаживают и т. д. Так как он был красив, любезен, уже генерал, несмотря на свои, сравнительно молодые лета, и хорошей семьи, то немудрено, что ему скоро удалось обворожить всех. Лечился он до тех пор, пока, наконец, не

предложит дочери (внучке Л. Ш.) Баташова свою руку, которая и была принята».

(Н. Я. Афанасьев «Воспоминания». Ж. Исторический вестник. СПб. 1390 г. т. 41).

Эту же историю в несколько другой интерпретации излагает в своих воспоминаниях и Е. М. Феоктистов, поэтому сомневаться в ней у нас нет оснований.

Я думаю, что все, читавшие рассказ «Станционный смотритель», без труда уловят принципиальное сходство этой истории и истории, рассказанной А. С. Пушкиным. Отличие только в частности, но главное, что их объединяет, это метод ложного заболевания и сговор с доктором. Историю Шепелевской женитьбы А. С. Пушкин мог узнать от Вяземского.

Характерно, что по первоначальному плану повести обольстителем дочери смотрителя выступал писарь, а не гусар. Нет ни болезни, ни увоза. Предоставляю судить об этом самому читателю по отрывке пушкинского плана.

«История дочери. Любовь к ней писаря. Писарь за нею в П. б., видит ее на гулянье. Возвратясь, находит отца мертвым. Дочь приезжает. Могила за околицей. Еду прочь. Писарь умер. Ямщик мне рассказывает о дочери».

(А. С. Пушкин. Соб. соч. 1962 г. т. 5, стр. 544).

Окончательный вариант рассказа был написан А. С. Пушкиным во время знаменитой Болдинской осени 1830 года, когда Пушкин жил сравнительно недалеко от Выксы.

Но наибольшее приближение Пушкина к Выксе произошло в ноябре 1830 года, когда он хотел прорваться в Москву сквозь холерные кордоны, но был остановлен первым же из них в с. Саваслейке (18 км от Выксы) и вынужден был вернуться обратно в Болдино. Близость шепелевского имения и его владельца возможно и напомнила Пушкину, слышанную им когда-то гусарскую историю и он по-своему использовал ее в рассказе. Характерным для творчества поэта было постоянное и широкое использование им реальных историй и лиц после их творческой переработки.

Но следует сделать небольшое отступление. В деревне Выра Гатчинского района Ленинградской области недавно открылся музей «Домик станционного смотрителя». Ле-

генда связывает старую почтовую станцию, на которой нередко доводилось бывать Пушкину, с его повестью «Станционный смотритель». В преданиях также утверждалось, что здесь Пушкин услышал от Самсона Вырина печальную историю его дочери Дуни, увезенной проезжим гусаром.

В действительности, однако, писала «Литературная газета» от 18 октября 1972 г. даже сама фамилия смотрителя Вырин была придумана Пушкиным, т. к. ее нет в адрес-календарях XVIII-ХТХ веков. Образ Вырина является типическим образом тех многочисленных станционных смотрителей, которых насмотрелся Пушкин, путешествуя по России. А он не был домоседом. Как подсчитали ученые. Пушкин наездил по российским дорогам около 34 тысяч километров. Образ Вырина показывает нам еще раз, что Пушкин не писал с натуры, а творчески перерабатывал свои Жизненные впечатления.

Но если образ станционного смотрителя сложился у него рано, и здесь шепелевская женитьба не при чем, то остальные сюжетные линии повести и героев Пушкин представлял себе смутно, о чем убедительно говорит его первоначальный план. Поэтому нет ничего невероятного в том, что «Гусарская женитьба» Д. Д. Шепелева привлекла А. С. Пушкина своей оригинальностью и позволила сделать повесть остросюжетной и драматичной.

Таковы Факты, мнения и предположения относительно связей между А. П. Вяземским, Д. Д. Шепелевым и А. С. Пушкиным.

Валентина Васильевна
БАЛДИНА

ПИСЬМА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЯ

*Письма больше, чем воспоминания...
Это само прошедшее, как оно было.
задержанное и нетленное.*

А. И. Герцен.

Часть сохранившихся писем Александра Васильевича Сухова-Кобылина опубликована в «Трудах Государственной публичной библиотеки им. Ленина» (ныне это Главная библиотека России). Мне довелось их читать. И как обрадовалась я, когда в четырех из них встретила родное слово «Выкса»! Обратимся же к этим письмам, перечитаем их вместе.

Письмо первое - от 30-го октября 1847 года.

Чтобы понять его, надо знать об интересах и обстоятельствах жизни Сухова-Кобылина в 40-е годы.

Он живет в Москве, снимает для себя и старшей сестры Елизаветы с её детьми огромный дом Гудовича в центре столицы. Отец Василий Александрович уже находится на Выксунских заводах, а мать Мария Ивановна с младшими дочерьми Евдокией и Софьей путешествует за границей. Александр молод: ему всего 30. Он умён, европейски образован, хорошо воспитан, красив, остроумен, свободен.

Блещет в высшем обществе. Его занимают балы, женщины, скачки. Он как будто такой, как все прожигающие жизнь молодые дворяне его круга. И в то же время совсем не такой: его отличает серьезный интерес к философии, литературе, театру и даже - странное для аристократа - влечение к технике, к хозяйственной деятельности. Вместе с управляющим французом Бессоном он строит стеариновый завод в одном из родовых поместий.

Не случайно, став опекуном на Выксе, Сухово-Кобылин - старший взял себе в помощники сына. Тот уже имел представление о промышленном производстве, считал себя деловым человеком, мечтал о собственном деле, которое, по его мнению, должно было упрочить пошатнувшееся благосостояние семьи.

Знакомство с Выксунскими заводами, думаю, и послужило толчком для решительного шага в этом направлении. Осенью 1847 года Александр едет в Томск, чтобы приобрести там рудники. И вот он в среде золотопромышленников, купцов, подрядчиков, в незнакомом, чужом ему мире. Отсюда, из сибирского далека, ещё милее ему родной дом, ещё дороже близкие люди, прежде всего - горячо любимая сестра Евдокия. Ей он и пишет из Томска:

«Сегодня 30-е, дорогая Душа, - день твоего рождения. В том уединении и отдалении, в котором я сейчас нахожусь, лучшие мои воспоминания возвращаются большей частью к хорошим мгновениям, проведенным мною дома в лоне семьи... Но, конечно, не тебя упрекну я за дурные (мгновения) - всегда и во всякое время ты была сама нежность и любовь... Я желаю только, чтобы ты осталась всегда такою же, чтобы обстоятельства позволили мне проводить как можно больше времени с тобою, - чтобы они не были так безмерно жестоки и не гнали меня по большим дорогам и во все концы великой России

*А. В. Сухово-Кобылин
Портрет начала 1850-х г.г.
ЦГАЛИ*

*Евдокия Васильевна
Петрово-Соловова
(Сухово-Кобылина)
1819-1887 г.г.*

(сейчас я особенно понимаю, что она действительно велика). С другой стороны, надо сознаться, что это входит в мою роль, - и что если ты думаешь обо мне, когда мы вместе, то совершенно справедливо, чтобы я работал для тебя, когда мы далеко друг от друга...»¹

Письмо, читатели уже поняли это, не только дышит теплотой и нежностью Александра к сестре, но говорит о его желании работать для семьи, о рано сложившемся чувстве ответственности.

Как это всё непохоже на представления некоторых биографов писателя, которые рисуют молодого Сухово-Кобылина человеком эгоистичным, суровым, даже жестоким!

Заканчивается письмо так: «Целую тебя, дорогая и любимая Душа, от всего сердца и прошу поцеловать пальчики великого артиста» (так в шутку Александр называл младшую - Соню, будущую художницу). К письму есть приписка: «Лизе или маменьке. Если маменька цигары ещё не посылала, - то и не надобно, ибо меня уже здесь застать не могут, - я писал Бонару (другу семьи) выслать мне на Выксу кое-какие книги и цигары, а потому прошу маменьку дать петербургскому старосте приказ деньги за книги и цигары доставить немедленно Бонару».² Эта приписка представляет особый интерес для нас, выксунцев. Ваше внимание, несомненно, остановили слова: «Выслать мне на Выксу кое-какие книги и цигары». Читаешь их, и становится понятным, что для Александра Васильевича Выкса - привычное, обжитое место, что он собирается в скором времени там пожить (не побывать, а именно пожить), отсюда и просьба о

¹ Письма Сухово-Кобылина к родным. - «Труды Государственной публичной библиотеки им. Ленина», выпуск III. М., 1934. «Академия». С. 222-223.

² Там же. С 222.

Мария Ивановна
Сухова-Кобылина
Мать драматурга

вещах необходимых - о книгах и сигарах.

Письмо второе - от 1 декабря 1847 года. Прошло три месяца в Томске. Зимой, готовясь к отъезду домой, Александр Сухово-Кобылин думает о скорой встрече с теми, кого любит. И вот он пишет письмо «милым сестричкам» Душе и Соне (со старшей сестрой Лизой он не был дружен).

Прежде всего Александр делится с ними впечатлениями от томского общества: «Я сейчас живу среди населения грубого, эгоистичного, жадного и полностью интриг. Здесь все живет только

для денег. Нажива - единственный двигатель, и все души здесь черны, сухи и отталкивающи. Общество и собрания представляют собою нечто колоссальное по глупости, что можно было бы умереть от смеха, если бы не умирали от скуки».³

Так уничтожающе отозвался будущий сатирик о темном царстве предпринимателей, охваченных золотой лихорадкой. Мир голой наживы, невежества, отсталых, диких нравов ему, человеку с большими целями, глубоко чужд, прежде всего - нравственно. Это, конечно, не значит, что Александр Васильевич отказался от планов упрочить свое материальное положение. Просто он понял, как трудно делать «чистые» деньги, оставил мысль, что можно легко разбогатеть. Хотя поездка в Томск не удалась (рудники не были куплены), Александр по-прежнему считал себя деловым человеком. И вела его по жизни кипучая энергия и «неуёмная жажда деятельности».

³ Письма Сухова-Кобылина к родным. - «Труды Государственной публичной библиотеки им. Ленина», выпуск III. М., 1934. «Академия». С. 227.

⁴ Цит. по кн.: И. Клейнер. «Судьба Сухова-Кобылина». Изд. Наука. М., 1969. С. 36.

Как-то А. В. Сухово-Кобылин признался: «Моя жизнь сложилась около завода и в заводе»⁴. Действительно, позднее, в зрелые годы, Александр Васильевич с увлечением ставил в своих имениях сахарные и винокуренные заводы, выписывал для них новейшее заграничное оборудование, приглашал иностранных специалистов. У него в Кобылинке Тульской губернии было добротное лесное хозяйство, отличный конный завод. Хозяином он был рачительным и умелым. Кто знает, может быть, и наши, Выксунские заводы, которые когда-то в молодости поразили его воображение, способствовали такому сильному увлечению.

Но вернемся к письму из Томска. Большая часть его адресована Соне. Всецело доверяя вкусу младшей сестры, Александр просит её подготовить в московском родительском доме комнаты для него и гостя: «Милая Соня, будьте добры привести немножко в порядок моё помещение, распаковать мои вещи и расположить их по своему художественному вдохновению - я уверен заранее, что оно может быть только хорошего вкуса». Зная, что к его возвращению из Сибири «Николай с отцом приедут с Выксы», Александр пишет: «Я вас прошу, дорогой друг, предоставить ему (Николаю) одну из моих комнат и поместить нас рядом. Сделайте так, чтобы комната, в которой я спал, была предназначена ему, а я помещался в той, которая мне служила рабочим кабинетом. Только не вздумайте засунуть Николая куда-нибудь ещё прежде всего он мне не мешает, а потом он шепетилен и способен вбить себе какую-нибудь глупость в голову»⁵.

Строки эти, как видим, полны беспокойства об ожидаемом госте, заботой о том, чтобы устроить его удобнее, не обидеть чем-нибудь: тот крайне

Усадебный дом в
Воскресенском

⁵ Письма Сухова-Кобылина к родным. «Труды ГБЛ.» В III. М., 1934. «Академия». С. 227-228.

шепетилен. Кто же этот человек, о котором хлопочет молдой Сухово-Кобылин? Кто этот Николай из Выксы (во французском тексте письма «Николя»)?

Наши догадки подтверждает примечание к письму: «Николай Дмитриевич Шепелев, двоюродный брат матери драматурга, один из владельцев Выксунских заводов»⁶. И сразу нам становится понятным волнение Александра Васильевича: он заботится о близком человеке, потому ему - лучшую комнату и непременно - рядом со своей. Там, в далеком Томске, он уже думает о встрече с дорогим другом.

Письмо помогает нам понять, каковы были отношения между молодыми людьми. Оно же, согласитесь, дает интересный штрих к характеристике Н.Д. Шепелева.

Что знаем мы об этом человеке? Увы, очень немного. Дошедшие до нас свидетельства о нем и скудны, и противоречивы. Николай Дмитриевич, судя по известным нам отрывочным отзывам современников (А.И. Дельвига, Н.Я. Афанасьева, Е.М. Феокистова),⁷ был человеком слабого здоровья, мягким и нерешительным, не умевшим заниматься жизненной прозой, хозяйственными делами. Александр Сухово-Кобылин в письме к Соне упоминает о болезненной чувствительности Николая и явно озабочен душевным спокойствием своего друга. Дружба их началась давно, с младых ногтей, и продолжалась долгие годы. Что объединяло их, таких разных? - Не только возраст (двоюродный дядя Александра, Николай был на год его моложе), родство и взаимная симпатия, но и общие интересы: любовь к литературе, искусству, театру. Видимо, Николай Дмитриевич был по-своему интересным, одаренным человеком. Вот что сказала о нем Елизавета Васильевна Салиас (Сухово-Кобылина): «Человек весьма замечательный по своим артистическим способностям, редкой сердечности, доброты и оригинальности, страстный театрал, обладал выдающимся комическим талантом»⁸. Письма из Томска посланы в 1847 году.

⁶ Письма Сухово-Кобылина к родным. «Труды ГБЛ». В III. М, 1934. «Академия». С. 267.

⁷ А. И. Дельвич. «Полвека русской жизни. 1820-1870». т.1.1930 М-Л «Академия». С. 443

⁸ Е. Тур. «Профессор П.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Ж. «Полярная звезда». 1881, №3. С. 21.

40-е годы - счастливая, безоблачная для молодого Сухово-Кобылина пора. Жизнь тогда открывала перед ним светлые дали, одаривала многими радостями и удовольствиями. Казалось, так будет всегда. Увы, счастье не бывает вечным. Бедой, страданиями, отчаянием, мучительными раздумьями и переосмыслением всего и вся полны были для Александра Васильевича 50-е годы. И, как ни странно, это было также время труда, надежд и славы. Именно тогда написаны им два других известных мне письма, связанных с Выксой. Я условно нумерую их № 3 и № 4.

Евдокия Васильевна
Сухова-Кобылина
с акварели
П. П. Соколова

Письмо третье - Ноябрь 1851 года. Оно послано в Выксу из Москвы. В примечании к нему в «Трудах Государственной публичной библиотеки им. Ленина» мы читаем: «Письмо датируется по упоминанию о переделке дома на Сенной и по составу членов семьи Сухово-Кобылиных на Выксе»⁹.

В доме Шепелевых собралось тогда большое общество. Была здесь младшая сестра Александра Соня, которую совсем недавно за увлеченность искусством он шутил называл «великим артистом». Теперь она занималась серьезно живописью и приехала в Выксу вместе со своим наставником Егором Егоровичем Мейером и несколькими товарищами по Академии художеств писать этюды¹⁰.

Находилась здесь и любимица всей семьи другая сестра Александра - Евдокия, Душа. Первая красавица Москвы, она три года назад вышла замуж, к отчаянию страстно влюбленного в неё поэта Николая Огарёва. Муж её Михаил Федорович Петрово-Соловово, «человек замечатель-

⁹ «Труды ГБЛ», В. III. С. 269.

¹⁰ Этюды к будущей картине С. В. Сухово-Кобылиной «Вид из окрестностей р. Выксы близ Муромы во Владимирской губернии».

ный своей добротой и необычайной верой в людей»¹¹, тоже отдыхал в Выксе. Им-то, горячо, преданно любимой Душе и любимому зятю, и адресовано письмо.

«Дорогие друзья, я только что получил Ваши письма и благодарю Мишеля за все его заботы. Я сейчас в Москве, но уезжаю завтра из города в Воскресенское (имение под Москвой), откуда возвращусь снова к Николаю»¹², - так начинается это письмо. И уже в первых строках - упоминание о Николае Шепелеве и скорой очередной поездке на Выксу. Далее Александр Васильевич просит сестру сообщить отцу (как опекун тот безвыездно жил в Выксе), что «есть экономка, которая отправляется к нему на службу, она везет полотно г-ну Мейеру и кофе для Мишеля»¹³.

Значительная часть этого письма посвящена младшей сестре. Александр радуется отличным успехам Софьи в живописи: совсем недавно на ежегодной осенней выставке в Академии художеств она была награждена большой серебряной медалью за «Пейзаж». Вот что об этом он пишет: «Не знаю, отправил ли я поздравительное письмо к Соне с поздравлениями очень искренними и вполне заслуженными. Это крупный успех, подлинный и, без всякого сомнения, огромный шаг, сделанный ею в настоящей карьере, - в её жизни это эпоха, которая стоит всякой другой и которая придает её существованию прекрасную значительность; вы видите, я смотрю на это дело не с точки зрения честолюбия или тщеславия, а с точки зрения, рассматривающей по существу и нравственной. Я счастлив этим событием и прошу ей передать эти строки. Зная наслаждения всякого рода, я прихожу к убеждению, что лучшими из них являются те, которые доставляют нам наука и искусство»¹⁴.

Здесь я должна прервать свой рассказ, чтобы сделать необходимые, на мой взгляд, пояснения. Александр, недолюбливавший старшую свою сестру - Лизу, к младшим «милым сестричкам» относился с большой теплотой. До конца дней своих неизменно и нежно любил он Душу, в которой удивительно соединялась замечательная красота с редкой душевно-

¹¹ «Труды ГБЛ», В. III. С 188.

¹² Там же. С. 242.

¹³ Там же. С. 243.

¹⁴ Там же. С. 243.

стью. Отличал он и младшую, щедро одаренную Соню. Заботясь о сестрах, как старший и единственный брат, Александр был к ним в то же время строг и требователен. Позднее он так объяснил это Душе: «Я всегда боялся, признаюсь тебе в этом откровенно, чтобы вы, выйдя замуж, не стали слишком светскими или просто светскими женщинами и чтобы не увеличили собою, к моему огорчению, число всех этих болтушек, в которых в сущности нет ничего дурного, но и ничего хорошего»¹⁵.

Е. В. и С. В. Сухово-Кобылины. 1850-е г.г.

Софья Васильевна оправдала заветные надежды брата, и его радовало чрезвычайно, что она вовсе не светская болтушка, что нашла достойное уважения место в жизни, что талант её признан. Это и придавало, по мнению Александра Васильевича, «её существованию прекрасную значительность». Добрые и пронизательные слова, обращенные в этом письме к Софье, особенно трогательны потому, что они написаны Александром в страшную для него пору жизни, когда, казалось, рухнуло всё.

Трагедия произошла год назад. 9 ноября 1850 года за Пресненской заставой столицы, у Ваганькова кладбища, был найден труп молодой, красивой, нарядно одетой женщины со следами тяжелых ранений. Это была француженка Луиза Симон-Деманш, возлюбленная Сухово-Кобылина. По подозрению в убийстве тотчас были арестованы его дворовые, а затем и он сам. Началось бесконечное судебное разбирательство, оно тянулось семь с лишним лет. Дело дошло до самых высоких судебных инстанций. В конце концов Сенат в июне 1856 года принял решение: «Титулярного советника Александра Васильевича Сухово-Кобылина, а равно дворовых людей его от всякой ответственности по вышеозначенному предмету оставить сво-

¹⁵ «Труды ГБЛ», В. III. С 230.

бодными». Спустя год это решение было подписано Государственным советом, а затем и самим Александром II.

А.В. Сухово-Кобылин был оправдан, но с неясной, странной формулировкой, допускавшей разные толкования. Убийство же осталось нераскрытым и, как тёмное, загадочное дело, волновало тогда и до сих пор волнует умы (о чем свидетельствует множество статей и исследований).

Так, в 50-е годы Александр Васильевич оказался в центре скандального судебного процесса, о котором с наслаждением злословила московская знать. Как много пережил он за эти бесконечные, мучительные годы! Это и душевное потрясение, вызванное гибелью любимой женщины и чудовищным обвинением в её убийстве, и изнурительные допросы, и тюрьма, в которой он сидел дважды, и тщетные поиски справедливости в высших инстанциях, и произвол чиновников, нагло вымогавших у богатою СуховоЖобылина взятки. (Незадолго до своей смерти Александр Васильевич признался: «Не будь у меня денег и связей, давно бы я гнил гденибудь в Сибири»¹⁶).

Это были семь лет отчаянной борьбы с грозившим ему жестоким приговором.

Многое узнал за эти годы Сухово-Кобылин и многое понял. По-новому взглянул он на «богом, правдою и совестью оставленную Россию», на ее бездушный бюрократический аппарат, на судей неправедных, на чиновников-вымогателей, на всех этих «воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников»¹⁷. Критически оценил он то высшее общество, к которому принадлежал. Сурово осудил и себя, свое прежнее «благородное безделье». В тяжелых испытаниях Александр словно внезапно прозрел и возмужал. По его словам, через это и началась его «внутренняя жизнь»¹⁸. В тюрьме он записывает в дневник как хорошо продуманное: «Жизнь начинаю постигать иначе. Труд,

¹⁶ Цит. по кн.: Ст. Рассадина, «Гений и злодейство, или дело Сухово-Кобылина». М. «Книга», 1989. С. 142.

¹⁷ Цит. по публ. Н.Б. Волковой «Странная судьба» (из дневников А.В. СуховоКобылина). В кн. «Встречи с прошлым». Изд. «Советская Россия». М., 1978. С. 35.

¹⁸ Цит. по кн.: К. Рудницкий. «А.В. Сухово-Кобылин. Очерк жизни и творчества». Изд. «Искусство». М., 1957. С. 36.

труд и труд. Возобновляющий, освежающий труд. Среди природы, под ее утренним дыханием... Да будет это начало - началом новой эпохи в моей жизни... Мое заключение жестокое - потому что безвинное - ведет меня на другой путь - и потому благодатное»¹⁹.

Отныне он дворянин, душой болеющий за несчастное Отечество, борющийся с его пророками. Отныне его девиз - «труд, труд и труд», а подлинное счастье - в занятиях наукой и литературой.

Удивительно ли, что Александр Васильевич в письме в Выксу с таким уважением отозвался о неустанном труде своей сестры - художницы, бесконечно преданной искусству? Удивляет другое: искренние, сердечные слова, обращенные к Соне, написаны тогда, когда самому Александру было трудно и горько жить.

Свет, в котором он блистал всю молодость, отвернулся от него, назвав убийцей. Увидев московское общество в его подлинном виде, Сухово-Кобылин покинул его и «отряс прах с ног своих»²⁰. Беззаветно любившей и все прощавшей Луизы уже не было рядом. (Ее могилку на Введенском кладбище он часто навещал, пешком проходя через всю Москву в Лефортово). Сестры разлетелись из-под родной крыши. И вот с уст Александра в конце письма к Евдокии и Михаилу Петрово-Соловово срывается пронзительное признание: «Прощайте, друзья. Мне очень грустно и ужасно одиноко, - я испытываю судьбу ребенка, избалованного любовью, и учусь жить в одиночестве. Я не думал, что будет так трудно, и, как все такие дети, не знал цены того, что мне давали»²¹.

В эту пору душевной неустроенности и гнетущего одиночества надежной опорой для Александра были его родные. Гордые аристократы, Сухово-Кобылины тяжело переживали обрушившееся на них горе и позор. И, конечно, делали все, чтобы спасти Александра Васильевича из судейского капкана. Хлопотала мать Мария Ивановна, горячо любившая сына, хлопотал зять Михаил Петрово-Соловово, решительно

¹⁹ Цит. по кн.: «Встречи с прошлым». С. 30.

²⁰ Цит. по кн.: К. Рудницкий. «А.В. Сухово-Кобылин. Очерк жизни и творчества». Изд. «Искусство». М., 1957. С. 37.

²¹ «Труды ГБЛ». В. III. С. 243.

М. Ф. Петрово-Солодово
С портрета Джорджа Доу

пришла на помощь брату Софья Васильевна, которая пользовалась расположением «августейшего президента Академии художеств» великой княгини Марии Николаевны. Видимо, это высокое вмешательство ускорило наконец рассмотрение судебного дела и определило его благоприятный исход. А как важна была для Александра тогда нравственная поддержка близких! Об этом говорят слова благодарности из его писем к родным 1850-1851 годов:

«Несчастье тем хорошо, что позволяет оценивать любовь, которую вам дарят...». «Уверенность

в вашей любви мне помогает. Она значительно ослабляет это тяжкое чувство одиночества и пустоты, которым полна моя душа». «Участие, которое вы приняли в моих страданиях, было настолько подлинным и искренним, что я сохранию об этом вечную и неизгладимую память».²²

Среди тех, кто тогда нравственно поддерживал Александра Васильевича, был, несомненно, Н.Д. Шепелев. Добрый и чуткий человек, он разделял переживания своего родственника и друга, всем сердцем сострадал ему.

Гостеприимный выксунский дом Шепелевых всегда был открыт для Александра Сухова-Кобылина. Здесь отогревался он душой среди понимающих его и любящих людей, рядом с дорогим другом Николаем. Поэтому его тянуло в Выксу. Побыв несколько месяцев в Москве, навестив подмосковное Воскресенское, Александр снова собирался к Шепелевым: «Возвращусь снова к Николаю...». В эти годы он часто приезжал в Выксу, о чем говорят все исследователи Сухова-Кобылина.

50-е годы самые трагические страницы жизни Александра Васильевича. Итог же черных семи лет (1850-1857) -

²² «Труды ГБЛ». В. III. С. 234, 238.

неожиданный, поразительный. Это, во-первых, новый взгляд на мир, на себя, о чем в своем дневнике Александр Сухово-Кобылин сказал так: «Если и перенесены мною страшные муки, то муки эти и довели меня до ясного понимания жизни и ее цели»²³. Это, во-вторых, «вступление на литературное поприще», «возобновляющий, освежительный труд» писателя. Именно в 50-е годы, находясь под следствием, Александр Васильевич создает первую свою пьесу - «Свадьба Кречинского». В ней зрители нашли новую, талантливую картину из жизни современного общества. Комедия эта имела полный успех и принесла Александру Сухово-Кобылину славу замечательного драматурга. Некоторые сцены «Свадьбы Кречинского», о чем уже знают наши читатели, написаны были в 1852-1854 годах в Выксе, в доме Шепелевых.²⁴

Письмо четвертое - КЕ.В. и М.Ф. Петрово-Соловово. «1858 год. Февраля 18. Выкса.

Милые и любезные друзья. Целую Вас и не могу довольно сказать Вам, сколько внутренне радуюсь, слыша, что Бог дает Вам успеха в делах и в детях. Наш доктор рассказывал, что мальчики Ваши славные и умные и гимнастики (?) делают хорошо. Устраивайте дела - а когда дети подрастут, воспитывайте людей, и вся прочая приложится им. Лучше оставить им меньше состояния, но больше способности пользоваться им и сохранить его или даже увеличить. Сложение характера, направление человека и его нормальные стороны и в этом случае важнее еще умственной стороны. Англичане, величайший народ в мире, более

Портрет Е. В. Сухово-Кобылиной П. Ф. Соколов Б., акварель. 1847
Москва. Частное собрание

²³ Цит. по кн.: «Встречи с прошлым». С. 48.

²⁴ См. мою статью «На Выксе писал пьесу». «Выксунский рабочий». 16/VII-1988.

берут характером, практическим складом своей личности и своею моральной фепостию, чем умом. Везите детей за границу и воспитывайте в демократическом государстве, и из них выйдут просвещенные и дельные Аристократы.

Целую вас всех и детей. Непременно приеду к Вам прежде, чем ехать за границу, ибо думаю, что буду Вам полезен выбором хорошего механика для мельницы.

Целую Вас. Александр»²⁵.

Из прочитанных мною писем Александра Васильевича Сухова-Кобылина это - единственное, посланное из Выксы.

Адресовано оно любимой сестре Дунечке и ее мужу, людям особенно близким и дорогим. Письмо короткое, но теплое, сердечное. Александр Васильевич радуется успехам Евдокии Васильевны и Михаила «в делах и в детях». Обещает найти хорошего механика для купленной ими по его совету паровой мельницы.

Особенная его забота - о детях Петрово-Соловово, племянниках Василии, Федоре и Николае. Александру Васильевичу приятно, что мальчики растут здоровыми (видимо, так надо понимать слова «гимнастики делают хорошо»), «славными и умными». Заботясь об их будущем, он, на правах старшего и много повидавшего человека, дает советы Душе и Мишелю, как воспитывать детей, можно сказать, развертывает целую педагогическую программу. Александр Васильевич хотел бы видеть племянников, в духе своей среды, настоящими аристократами, прекрасно воспитанными и просвещенными. Но главное, считает он, чтобы мальчики выросли хорошими людьми, «морально крепкими» и даже «дельными». Практической стороне личности, деловым качествам её он придает особое значение: «Лучше оставить им меньше состояния, но больше способности пользоваться им и сохранить его или даже увеличить». Важно воспитать детей в демократическом государстве, каким ему представляется Англия.

Согласитесь, что для того времени - середины XIX века - и для его среды - высшего дворянства - такой взгляд на воспитание был новым и непривычно смелым. Человек прони-

²⁵ «Труды ГБЛ». В. III. С. 241.

А. В. Сухово-Кобылин
в своем рабочем кабинете
в Кобылинке

цательного ума, отлично образованный, гениально одаренный, Александр Сухово-Кобылин не только в этом опередил свой век.

В его педагогических взглядах и для нас много ценного, созвучного нашим представлениям. Таковы, например, рассуждения о важности нравственного воспитания («Воспитывайте людей, и вся прочая приложится им»). Такова мысль о необходимости готовить детей к жизни так, чтобы они выросли знающими, умелыми, деловыми.

«Непременно приеду к Вам прежде, чем ехать за границу», - обещает Александр Васильевич

сестре и зятю. Это место в письме, думаю, нуждается в объяснении. Ещё находясь под следствием по подозрению в убийстве Луизы Симон-Деманш, А.В. Сухово-Кобылин просился на несколько месяцев за границу, но не был отпущен. Но вот в декабре 1857 года оправдательный приговор был утвержден Александром И, уголовное дело закончено. Теперь всё страшное осталось позади. Александр Васильевич почувствовал себя свободным человеком, как бы распрямылся, обрел прежнюю уверенность и душевное спокойствие. Получив 7 апреля 1853 года свой паспорт в канцелярии московского губернатора, он записал в дневнике:

«Вот она, свобода} Приветствую тебя, чудное создание, любовница моя, неверная, но вечно милая любовница... Теперь... я не променяю тебя ни на какие блески, ни на какую внешность. Теперь я обручаюсь с тобою, свобода моя, свободушка, и клянусь по гроб быть тебе вечным слугою, рабом, другом - веем-веем, чем только дышит моё сердце».²⁶

²⁶ Цит. по кн.: М. Бессараб. «Сухово-Кобылин». М., «Современник», 1981. С. 180.

За границу, во Францию, Александр Васильевич выехал 15-го апреля. А в феврале, готовясь к этой поездке, посетил Выксу. Отсюда 13-го числа он посылает письмо Петрово-Соловово. В письме этом о Выксе нет, увы, ни слова. Но в примечании к нему мы читаем: «Письмо датируется по письму Василия Александровича Сухова-Кобылина, на последней странице которого оно написано».²⁷

Из этого ясно, что отец и сын Сухова-Кобылины вместе находились тогда в Выксе. А между тем свои обязанности по опеке над шепелевскими заводами и имением Василий Александрович сдал ещё осенью 1857 года. Вот запись в дневнике Александра: «1857 год. Сдача опекунства на Выксе».²⁸

Что же делали в Выксе в феврале 1858 года отец и сын Сухова-Кобылины? Скорее всего, Александр Васильевич сопровождал своего 74-летнего отца в его поездке и помогал ему завершить дела на шепелевских заводах.

Более 10 лет (с июня 1846 по октябрь 1857 года) В.А. Сухово-Кобылин, по просьбе выксунских родственников своей жены, был опекуном над заводами и имением Шепелевых. Что же заставило его оставить эту должность? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним историю его опекунства. Близкие, глубоко уважая Василия Александровича за деловые качества, строгость и порядочность, считали, что он сумеет вызволить заводы из их «бедственного положения». Казалось, так и будет. В первые годы опекунства на Выксе Сухово-Кобылин - старший значительно поправил расстроенные дела «целесообразными распоряжениями, оживлением заводской деятельности, через техническое улучшение заводов, и значительным сокращением расходов».²⁹

Анна Дмитриевна Голицына (Шепелева), одна из владелиц Выксы, называет его работу «благотворной». Ссылаясь на официальные отчеты опекунского управления, она утверждает, что опекунам удалось уплатить «около двух миллионов рублей серебром долга»³⁰. Это была только не-

²⁷ «Труды ГБЛ». В. III. С. 269.

²⁸ Цит. по кн.: М. Бессараб. «Сухово-Кобылин». М., «Современник». С. 176.

²⁹ Письмо А.Д. Голицыной в редакцию ж. «Исторический вестник», 1890, № 10. С. 235.

³⁰ Там же. С. 235-236.

значительная часть того, что задолжали Выксунские заводы государству и частным лицам. И всётаки появилась надежда, что «при соблюдении строгой экономии и порядка»³¹ всё завершится благополучно. Но тут случилось непредвиденное. «Лукавый попутал старика Кобылина. Он влюбился, как только могут влюбляться едва оперившиеся юноши или выжившие из ума старцы, влюбился до глупости, до забвения всяких приличий»³². Так начинается рассказ о последних годах опекунства Василия Александровича на Выксе Е.М. Феоктистов.

Бывший домашний воспитатель детей Е.В. Салиас, Евгений Михайлович прекрасно знал семьи Сухова-Кобылиных и Шепелевых, не раз жил в Выксе и хорошо осведомлен был о разыгравшихся там драматических событиях. Потому мой краткий рассказ основан на его воспоминаниях.

Итак, В.А. Сухово-Кобылин, которому уже было за 70, влюбился. Предмет его нежных чувств - молодая женщина, мещанка Заварыкина. Ей чрезвычайно льстили пылкие ухаживания такого важного человека. Слухи о выксунском романе Василия Александровича дошли до его жены, которая «прониклась неистовой ревностью» к своему престарелому супругу и устраивала на Выксе «безобразные сцены». Это «рассеяло выксунское общество в разные стороны» (судя по воспоминаниям Е.В. Салиас, уже к 1855 году). А влюбленный Василий Александрович, делая одну глупость за другой всенародно, «становился посмешищем для выксунского люда». Елизавета Васильевна Салиас, которая тогда путешествовала по Италии, в своих письмах умоляла сестру Евдокию увезти скорее отца из Выксы, потому что он там «себя позорит».

«Но это ещё мелочи, - продолжает Е.М. Феоктистов, худо было то, что достойный супруг фаворитки (Заварыкин) сделался настоящим кровопийцей Выксы: мало-помалу он всё забрал в свои руки; с ним заключаемы были невероятные по невыгодности для заводов контракты;

³¹ Е.М. Феоктистов. «Глава из воспоминаний о писателях и артистах». Л., 1926. «Атеней». С. 109.

³² Там же. С. 108.

одуревший опекун ничего не предпринимал без его согласия, а тот бесстыдно набивал себе карманы».

Ревизия, проведенная на заводах правительством, обнаружила растрату, и В. А. Сухово-Кобылин должен был сложить с себя полномочия опекуна. «Сам он не пользовался ни одной копейкой, - никому не приходило в голову упрекнуть его в этом, - тем не менее он оставил по себе печальную память»,³³ - так заканчивает свой рассказ Е.М. Феоктистов. Печальная тень от случившегося легла и на самого Сухово-Кобылина - старшего и на его близких. Пострадала не только репутация Василия Александровича (не справился с таким огромным хозяйством), но и бюджет семьи. После сдачи опекунства на Выксе осталось 40 тысяч серебром убытку. Долг нужно было уплатить без промедления. И вот в августе 1857 года отцу пришлось продать любимое всеми подмосковное Воскресенское да ещё взять займы деньги у дочери Евдокии Петрово-Соловова.

Воспоминания Е.М. Феоктистова и дневники А.В. Сухово-Кобылина проливают свет на ситуацию в Выксе в конце 50-х годов.

В январе 1858 года, как известно, создан был здесь новый опекунский совет. Должно быть, присутствие у Шепелевых Василия Александровича в связи с этим было необходимо, как и приезд Александра Сухово-Кобылина, помощника отца в опекунских делах.

Бывали ли Сухово-Кобылины в Выксе после 1858 года, неизвестно.

Скорее всего, нет.

Василий Александрович жил, главным образом, в родовом имении Кобыл инке Тульской губернии, часто гостил на Саволе, в семье дочери Евдокии Васильевны. Умер он в 1873 году в преклонном возрасте, пережив на десять лет жену.

Александр Васильевич, свято соблюдавший свой обет «жить трудом, при труде и в труде», во 2-ой период жизни сумел осуществить многие замыслы. Из-за границы он

³³ Е. М. Феоктистов. «Глава из воспоминаний о писателях и артистах». Л., 1926. «Атеней». С. 109, 110.

вернулся в Кобылинку. Всю свою неумную энергию отдавал, с одной стороны, устройству имения - и хозяин был превосходный, а с другой - умственным занятиям: переводам трудов Гегеля, начатым ещё в молодости, написанию пьес «Дело» и «Смерть Тарелкина», попыткам провести их в театр. Кобылинка и Франция - вот где жил он в эти годы. Иногда - Москва. В Москву позднее переехал и Н.Д. Шепелев. К тому времени дела на Выксе были совсем плохи, это «некогда славное имение» окончательно разорилось. Николай Дмитриевич, по словам Е.М. Феоктистова, «влачил до своей смерти... печальное существование, нуждаясь иногда даже в самом необходимом».³⁴

И в эти, и в последующие годы близкие отношения Сухово-Кобылиных и Шепелевых сохранились. Об этом свидетельствуют слова Анны Дмитриевны Голицыной: «С семействам последнего (В. А. Сухово-Кобылина) наша семья была и до сих пор остается в близких и родственных отношениях».³⁵ Это написано в 1890 году.

Четыре письма А.В. Сухово-Кобылина, в которых встречается слово «Выкса»... Я обратилась к ним прежде всего затем, чтобы раскрыть связи Александра Васильевича, всей семьи Сухово-Кобылиных с Выксой, с Шепелевыми. Надеюсь, письма эти помогли мне также познакомить читателей и «со странной судьбой» гениального русского драматурга, и с его незаурядной, сложной личностью. Ведь «письма больше, чем воспоминания».

А. В. Сухово-Кобылин
внизу слева его дочь
Луиза де Фальтан
Портрет 1890-х (?) г.г.
Музей ИРПИ

³⁴ Е.М. Феоктистов. «Глава из воспоминаний о писателях и артистах». Л., 1926. «Атеней». С. 109.

³⁵ Письмо А.Д. Голицыной в редакцию ж. «Исторический вестник», 1890, № 10. С. 235.

О ЧЕМ РАССАЗАЛО СТАРИННОЕ ПИСЬМО

Передо мной на рабочем столе ксерокопия интереснейшего письма, присланная из Центрального Исторического архива г. Ленинграда.

Письмо это было отправлено 140 лет назад, 23-его августа 1851 года, из Выксы, с «завода г.г. Шепелевых», в далекий Петербург. Адресовано оно конференц-секретарю императорской Академии художеств В.И. Григоровичу. А начинается так:

«Почтенный Василий Иванович!

Всегда случается мне Вас утруждать просьбами и сегодня опять тоже. Я имею случай ехать с одной из моих римских учениц девицею Сухово-Кобылиной в Крым и по этому случаю решаюсь просить Вас исходатайствовать мне билет на два года в южные губернии...».

С такой просьбой обращается в Правление Академии Е.Е. Мейер. Думаю, нашим постоянным читателям фамилия эта уже знакома. И все-таки напомним: Егор Егорович Мейер (1823-1867) - русский художник-пейзажист, академик. Он был наставником в живописи Софьи Васильевны, младшей дочери Марии Ивановны и Василия Александровича Сухово-Кобылиных, родственников выксунских Шепелевых.

Софье Васильевне и посвящено, в основном, это письмо. Егор Егорович сообщает конференц-секретарю, что его ученицей уже послана на годичный экзамен в Академию картина, которая «писана совершенно ею одною». Он надеется, что там обратят внимание на эту работу, оценят ее по достоинству и поощрят. Она этого, по его мнению, заслуживает.

Своей ученице Егор Мейер дает прекрасную характеристику. Совсем немного занимается он с нею живописью: некоторое время в Риме и считанные месяцы в Выксе, в не очень благоприятных обстоятельствах: летом этого года здесь «почти хорошей погоды не было», что очень мешало работать над этюдами на природе. И тем не менее, успехи Софьи Васильевны значительны. С уважением отзывается Егор Егорович о ее способностях к пейзажной живописи, редком трудолюбии и увлеченности искусством.

Вот такие удивительные, почти восторженные слова пишет он Григоровичу о своей ученице: «Я от души жалею, что она не имеет чести быть лично с Вами знакома; тогда и Вы бы сами убедились, что подобную девицу следует поощрить.

Она богата, знатна и бросила все для живописи... Любовь ее к искусству неимоверна, и ей я единственно обязан, что как художник имею еще будущность, которая раскрылась передо мною со всеми надеждами на успехи и удачу... Нельзя не помочь моему благому намерению и не поощрить девушку, которая трудится не ради славы, а из любви к прекрасному и деньги которой уходят все на помощь художникам и на собственные успехи».

Делится Егор Мейер с Григоровичем и дальнейшими планами: «Нынешнюю зиму она (Софья Васильевна) займется перспективой серьезно, фигурами, и, таким образом подготовленные, мы отправимся в Крым». Вот почему ему и нужен «билет» от Академии, своего рода пропуск для беспрепятственного проезда через все заставы и свободно-проживания в любом южном городе.

А теперь ненадолго отложим в сторону письмо художника, из которого мы узнали немало нового о Софье Сухово-Кобылиной, и побываем в Выксе самого начала 50-х годов прошлого века. Здесь в имени Шепелевых Софья Васильевна вместе с Е.Е. Мейером (и с товарищами по Академии художеств - есть такие сведения) прожила часть лета, осень 1851 -го и зиму 1852-го годов. Тогда почти вся семья Сухово-Кобылиных собралась в доме близкого им - и родственно, и душевно - Николая Дмитриевича Шепелева. Было много молодежи, много деревенских удовольствий и развлечений, но их Софья Васильевна не разделяла. Она всецело погружена была в свои художественные занятия. Время проводила с этюдником в живописных ок-

Софья Васильевна
Сухова-Кобылина
(1825-1867 г.г.)
Автопортрет

рестностях села. Особенно по душе была ей строгая и величавая красота наших сосновых лесов.

Софья Васильевна работала много и увлеченно под руководством своего учителя. И пришел успех. Большой серебряной медалью отмечен заверченный на Выксе и отсюда посланный на экзамен в Академию уже упомянутый мной «Пейзаж» (итальянский); сделаны этюды с натуры к будущей картине «Вид из окрестностей р. Выксы близ Муррома во Владимирской губернии» («Сосновый бор в окрестностях Муррома»). За эту картину и два «Крымских вида» («Татарская сакля в Крыму близ Урзуфа», «Татарская сакля в Крыму близ Алушты») в 1854 году, при окончании Академии художеств, Софья Сухово-Кобылина была награждена большой золотой медалью. Она, напоминая, - первая русская женщина, удостоенная такой высокой награды. Об этом триумфе художницы я уже писала (см. статью «Эта местность... просилась в картину» - «ВР», 14 июля 1990 года). А вот новые находки!

В хранилищах русской живописи 19-го века Третьяковской галереи, где мне посчастливилось побывать дважды, Лия Захаровна Иткина, старший научный сотрудник музея, показала мне очень нарядный групповой портрет сестер Сухово-Кобылиных - Елизаветы, Евдокии, Софьи - работы модного в свое время художника Пимена Орлова. Видела я и портрет Софьи Васильевны, написанный в 1859 году в Риме одним из самых близких ее друзей - Иваном Степановичем Ксенофоновым. На этих портретах (и на парадном, и на дружеском) Софья Васильевна - молодая женщина, среднего роста, стройная, богато и в то же время скромно, - изящно одетая. У нее не красивое, но приятное лицо, умный, серьезный, пронизательный взгляд. Во всем ее облике чувствуется спокойное достоинство. Такой знали ее современники - женщиной «тонкого, блестящего ума, доброго сердца и благородной души».

С большим волнением рассматривала я немногие хранящиеся в Третьяковке картины самой художницы: «Софья Васильевна Сухово-Кобылина, получающая на Акте в Академии художеств первую золотую медаль за «Пейзаж с натуры» (1854 год), «Автопортрет», этюды «»Перед грозой», «Итальянский пейзаж», «Старое дерево у скалы».

Невольно вспомнились мне слова искусствоведа: «Она была сильна в рисунке и обладала тонким пониманием пейзажной живописи». В пейзажах Софьи Васильевны, которые мне больше всего понравились, есть что-то романтическое, одухотворенное.

С фотокопиями этих пяти работ С.В. Сухово-Кобылиной из запасников Третьяковской галереи выксунцы могут познакомиться в экспозиции нашего музея.

А теперь о самом интересном, на мой взгляд.

Летом 1991 года, работая в фондах Государственного Литературного музея в Москве, просматривала я большой архив Сухово-Кобылиных, поступивший от их родственника Л.В. Горнунга. Среди многочисленных фотографий, дагерротипов, портретов там был и большой, красивый, отлично сохранившийся старинный альбом, о котором мне уже говорила Лия Захаровна Иткина.

Альбом этот куплен был Марией Ивановной Сухово-Кобылиной для одной из дочерей - красавицы Евдокии (в замужестве Петрово-Соловово). С ней Софья была особенно дружна. В период своих занятий живописью в Академии художеств три года прожила она в богатом доме этой сестры в Петербурге. Видимо, тогда Душа (так звали Евдокию Васильевну близкие) и отдала альбом младшей сестре.

И вот этот великолепный альбом передо мной на столе. Очень волнуюсь, осторожно перелистывая тяжелые страницы: их много-много лет назад касались руки С.В. Сухово-Кобылиной, а она за годы краеведческих поисков стала мне почти родной. В альбоме сохранилось около 30 работ Софьи Васильевны 50-х годов карандашом, акварелью, маслом. Это наброски, рисунки и этюды с натуры, сделанные в Тамбовской губернии в имении Петрово-Соловово, в Италии и в Крыму. Одни из них - полудетские, наивные, другие написаны зрелой кистью.

Немало интересного в старинном альбоме. С удовлетворением рассматриваю я акварельную копию с того самого «Итальянского пейзажа», за который Софья Сухово-Кобылина в 1851 году получила на конкурсе в Академии художеств большую серебряную медаль. Внимание мое привлекают и ее этюды «Татарский дворик. Алушта», «Пастиший шалаш в Крымских горах», «Сосны на холме».

И вот, наконец, то, что я ищу, о чем уже слышала: на одной из последних страниц перед портретом Евдокии Васильевны кисти Е.Е. Мейера (единственная его работа в альбоме) - карандашный рисунок. На нем сильное, раскидистое дерево с молодыми листочками.

Внизу подпись рукою художницы:
«Соф1яСК. 1852. Выкса».

Этот этюд, без сомнения, сделан в имении Шепелевых именно в выксунский период жизни Софьи Васильевны, о котором я рассказывала. Может быть, предположила я, дерево это из прекрасного господского парка, дерево, которое видело самих Баташевых. Ведь чем-то поразило оно воображение художницы.

Думаю, вам нетрудно представить себе мою тогдашнюю радость, мое ликование. Передо мной был подлинный выксунский рисунок Софьи Сухово-Кобылиной! И он, что особенно важно, еще неизвестен нашему местному краеведению. Это счастливая находка.

Фотографии рисунка у нас, к сожалению, пока нет.

Но вернемся к отложенному нами старинному письму. Еще раз вдумчиво прочитаем его, и оно расскажет нам много интересного о самом пишущем - Е.Е. Мейере, на-

ставнике в живописи Софьи Сухово-Кобылиной, стоявшем у начала ее творческого пути.

Егор Егорович, я уверена в этом, был прекрасным учителем. Думаю, все уже заметили, что он бесконечно предан искусству, что у него серьезные и продуманные планы обучения. Он умеет увлечь искусством тех, кого учит. «Все мои ученицы делаются страстными охотницами до живописи, с гордостью пишет Егор Мейер Григоровичу. -Я, прежде чем развить способность, развиваю любовь к искусствам и думаю этим быть вдвойне полезным нашей Академии».

*Вручение медали
С. В. Сухово-Кобылиной
в Академии художеств
Авторская картина*

Бережно относится Егор Егорович к дарованиям своих учениц, заботливо и умело их развивает, поощряя даже маленькие удачи начинающих художниц. Конференц-секретарю он так объясняет свое настойчивое желание, чтобы в Академии были замечены первые успехи Софьи Васильевны: «Она не знает, что я к Вам пишу, но знаю, ей приятно было бы, даже необходимо маленькое поощрение». А дальше в письме читаем: «Осмелюсь Вас беспокоить просьбою изложить в Совете (Академии художеств) выгоду искусству вообще, если в обществе понемногу родится эта любовь и необходимость поощрять и поддерживать».

Какие замечательные слова: развивать в обществе любовь к искусству, стремление поощрять и поддерживать таланты! Сказать их мог лишь человек чистого и щедрого сердца, бескорыстно служивший искусству и радевший о благе общества. К таким людям всегда тянутся молодые. Для Софьи Васильевны Егор Мейер был, как свидетельствуют современники, не только хорошим учителем, который привел ее к успехам в живописи, но и настоящим другом. С глубоким уважением относились к Егору Егоровичу Сухово-Кобылины, ценя его талант художника и учителя живописи, доброту и преданность.

Судьба не баловала Егора Мейера. Трудным был его путь в искусстве. В письме к Григоровичу прорывается горькое признание: «Не посылаю в Академию на академика картины, хотя их было три, но, увы, деньги нужны семье, и я их продал». Обеспеченная, спокойная жизнь в течение нескольких месяцев в доме Шепелевых освободила его силы для творчества. В Выксе художник работал без усталости над новой картиной (к сожалению, название ее установить не удалось). Он был благодарен Сухово-Кобылиным, Софье Васильевне за такую редкую для него возможность отдаться любимому делу без тревожных мыслей о заработке, о куске хлеба насущного для семьи. Именно об этом строки в его письме: «Ей (С.В.) единственно обязан я, что как художник имею еще будущность, которая раскрылась передо мною со всеми надеждами на успехи и удачу». И надежды эти вскоре сбылись. Из Выксы весной 1852 года художники отправились на этюды в Крым, где пробыли полтора года. Поездка эта была плодотворной.

Егор Мейер привез из нее в Петербург картину «Горное ущелье», за которую осенью 1853 года был удостоен долгожданного звания академика. Ученица его Софья Васильевна тогда же за «Крымские виды» получила от Академии малую золотую медаль.

Вот что рассказало и о чем напомнило старинное письмо, которое лежит на моем письменном столе. В нем – новые для нас штрихи к портрету художницы Софьи Сухово-Кобылиной. Из него мы получили первое представление об академике-пейзажисте Егоре Егоровиче Мейере, чья жизнь сама по себе необыкновенно интересна и поучительная. Копия этого письма вошла в Сухово-Кобылинскую экспозицию нашего историко-художественного музея.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕСЬМА ОТРАДНЫЕ

6 марта 1884 года Л.Н.Толстой сделал в дневнике такую запись: «Вчера читал Сальяс о Кудрявцеве - прекрасно».¹ Накануне вечером Лев Николаевич прочитал в журнале «Полярная звезда» (в № 3 за 1881 год) статью Е.В. Салиас «Профессор П.Н. Кудрявцев, Воспоминания»² и отозвался о ней одобрительно. Строчка в дневнике великого писателя остановила мое внимание. Имя Елизаветы Васильевны Салиас де Турнемир, урожденной Сухово-Кобылиной, уже было мне знакомо и связано с историей Выксы. Не один месяц собирала я материал об этой писательнице, знакомилась с ее произведениями. Но воспоминаний о профессоре Кудрявцеве читать еще не доводилось.

И вот они у меня в руках. Читаю, и приходят на память слова современника о Салиас Е.В.: «Она была, бесспорно, женщина умная, образованная, талантливая».³ Да, ее воспоминания о П.Н. Кудрявцеве отмечены талантом. И становится понятным, почему так высоко оценил их требователь-

¹ Л.Н. Толстой. Дневники 1847-1894 г. г. Собрание сочинений в 20 тт. М., 1965. Т. 19. С. 31.

² Е. Тур. «Профессор П.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Ж. «Полярная звезда»: 1881 г., №3.0.9-59.

³ Е.М. Феоктистов. «За кулисами политики и литературы 1848-1896». - «Прибой». Ленинград, 1929 г. С. 362.

*Елизавета Васильевна
Сухова-Кобылина
в замужестве Салиас
де Турнемир (Евгения Тур)*

ный Л.Н. Толстой. Евгения Тур (это псевдоним Е.В. Салиас де Турнемир) пишет о своем друге, каким был для нее П.Н. Кудрявцев, глубоко, художественно, сердечно. Писатель и историк, критик и психолог, он был знатоком искусства, увлекательным собеседником, любимым студентами профессором столичного университета. А для Салиас еще и «высокой душой»⁴, идеалом человека. С интересом читала я воспоминания о П.Н. Кудрявцеве. И вдруг, к большой радости, нашла, то, на что втайне надеялась, - страницы, посвященные Выксе!

Елизавета Васильевна пишет, что в 1854 году она уговорила Кудрявцевых приехать к ним в деревню недалеко от Оки. Деревня эта в воспоминаниях не названа. Однако последующий рассказ убеждает, что речь идет именно о Выксе, где в эти годы отец Салиас был опекуном над шепелевским имением и куда, как к себе домой, обычно съезжались летом все Сухово-Кобылины. Выксу Елизавета Васильевна называет так: «наша местность», «наша деревня».

С восхищением пишет она о суровой былинной красоте этих мест: «Деревня эта, в глуши дремучих лесов, недалеко от Оки, на берегу громадных прудов, окруженных бором, не лишена была северной красоты и суровой поэзии...»⁵ «Теплые летние вечера на берегу озер, окаймленных борами, почти непроходимыми, из которых один назывался стеной, ибо нога человека не входила в глубь его, песчаные берега Оки, блиставшие золотом при закате солнца, темный, запущенный сад, со столетними липовыми аллеями, куда в самые жаркие дни не проникало солнце»⁶,

⁴ Е. Тур. «Профессор П.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Ж. «Полярная звезда». 1881 г., №3. С. 23.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 23-24.

Господский дом

«огромный полузаброшенный дом» - все казалось таинственным и прекрасным, создавало поэтический колорит.

И все-таки это была Выкса периода упадка, обобранная кредиторами и платившая долги. «Все в ней смутно напоминало прежний блеск и носило следы крайнего разрушения»⁷.

В первые годы опекунства старый парк содержался еще довольно исправно. Но обстоятельства требовали сокращения расходов на него, и вот была сломана оранжерея, продан «зверинец», уволены садовники. Парк без прежнего ухода зарастал, дичал...

Еще недавно большой, трехэтажный барский дом казался настоящим дворцом. Убранство его отличалось роскошью. В доме всегда было много гостей. Праздники, балы, маскарады следовали друг за другом. Жизнь здесь кипела.

Теперь Большой дом поражал воображение «громдностью размеров и запустением»⁸. От прежней роскоши и комфорта почти ничего не осталось: многие ценные вещи были проданы или заложены за долги. Парадные покои были пусты. В некоторых комнатах стояла жалкая мебель.

⁷ Е. Тур. «Профессор П.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Ж. «Полярная звезда». 1881 г., №3. С. 26.

⁸ Там же. С. 24.

В одном месте на стене сохранился ещё «большой портрет Петра Великого во весь рост, почерневший от времени. Его мощная фигура неясно выступала из черного фона и походила на привидение»⁹. На длинной галерее, с одной стороны огибавшей дом, на которой в прежние времена стояли в кадках апельсиновые и померанцевые деревья, теперь ничего не росло. Там сгнили все доски, и ходить по галерее уже никто не отваживался.

Хозяева и гости располагались в двух пристроенных к дворцу флигелях. Здесь же ютилась «многочисленная прислуга, уцелевшая от богатых и

роскошно живших здесь дедов и прадедов». А в старом барском доме, как и в полузапущенном парке, жили «предания и страшные легенды, которые сильно тревожили воображение».

Вот почему все смело ходили по дому днем, забывая свои страхи при солнечном свете, а вечером боялись войти в громадные гулкие залы. Слуги тоже «были проникнуты непоколебимой верой в чудесное» и красноречиво передавали различные сказания о прежних временах - временах Баташевых. Все в этом выдавшем виды доме дышало выксунской стариной.

Общество, собравшееся на Выксе, было, по рассказу Е.В. Салиас, большим и разнородным. Это были семьи владельцев имения (Н.Д. Шепелев, Кутайсовы, Голицыны) и Сухово-Кобылины, их родственники и друзья. Несмотря на разорение, жили беспечно и празднично, как говорит Елизавета Васильевна, «приятно». Каждый имел «полную свободу заниматься, кто чем хотел». Много времени проводили в окрестностях села, на лоне природы: то катались на лодках, то отправлялись на прогулку в больших линейках, таратайках или верхом. Вечером ездили любоваться закатами.

«Помню, - пишет Елизавета Васильевна, - как прельщал нас вид с большой плотины. Она, как черная лента, обвивала край большого озера и тянулась между ним и глубоким оврагом. За обрывом стоял редкий лес, за

⁹ Е. Тур. «Профессор П.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Ж. «Полярная звезда». 1881 г., №3. С. 20.

которым заходило солнце. Ярко отпечатывались верхушки деревьев и их темная зелень на ярко-пунцовом, пылавшем от заката небе... Эта местность, оригинальная и живописная, сама просилась в картину. Широкое стальное озеро, черная лента плотины, обрыв, частые кусты, редкий лес, и за ним лучезарное, опускающееся солнце!»¹⁰. Красота природы Выксы восхищала гостей. Рассказывая о задушевных вечерних беседах, Е.В. Салиас вспоминает, что все общество тянулось к Сухово-Кобылину - старшему. Вот как характеризует она своего отца, выксунского опекуна: «На вид несколько суровый, но в сущности добродушный, он отличался большим здравым смыслом и нравственными своими качествами внушал к себе общее уважение»¹¹. Отставной полковник артиллерии, георгиевский кавалер, герой Отечественной войны, Василий Александрович с увлечением рассказывал молодежи о всей военной кампании от 1805 до 1814 года, знал многие подробности царствования Александра I. Его рассказы особенно заинтересовали московского гостя П.Н. Кудрявцева, профессора истории.

Сам Петр Николаевич Кудрявцев в это лето стал душой общества на Выксе. Его ум, образование, доброту и «прелестный, привлекательный характер» полюбили и хозяева, и гости. Он как бы объединил всех в «счастливую семью». Его молоденькая жена Варвара Арсеньевна очаровывала своей живостью, непосредственностью, веселостью. Она умела очень тонко и мило копировать людей, у нее были артистические способности (но профессиональной артисткой, какой считают ее некоторые краеведы, В.А. не была). С ее приездом оживились театральные представления.

К тому времени крепостного театра в Выксе уже не было, игрались домашние любительские спектакли. Их давали в павильоне, находившемся между лесом и запустелым садом. А ставил их хозяин имения Николай Дмитриевич Шепелев. О нем Елизавета Васильевна пишет так:

¹⁰ Е. Тур. «Профессор П.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Ж. «Полярная звезда». 1881 г., №3. С. 25.

¹¹ Там же. С. 23.

Выксунский пруд

«Человек весьма замечательный по своим артистическим способностям, редкой сердечности, доброты и оригинальности, страстный театрал, обладал выдающимся комическим талантом».¹²

Обычно вялый и пассивный, он, отдаваясь любимому занятию - театру, сразу преображался, развивал «судорожную деятельность». Николай Дмитриевич репетировал с утра до вечера, «требовал от игравших серьезного исполнения», что вызывало ропот и ссоры.

Участвовали в представлениях и хозяева, и гости. Многие, по оценке Елизаветы Васильевны, «дошли в искусстве играть до удовлетворительной степени». Особенно хороша была на сцене и имела большой успех В.А. Кудрявцева. Видимо, этим объясняется, что был составлен проект шуточного договора между ней и Н.Д. Шепелевым об ее участии в театральных представлениях в Выксе в будущем.

Лето пролетело быстро. В конце августа Кудрявцев с женой уезжал в Москву. Жаль было ему прощаться с Выксой, этим «привольным и оригинальным местом».¹³

Кудрявцевы приезжали к своим друзьям в деревню и летом следующего, 1855 года, но жили недолго, и этот их

¹² Е. Тур. «Профессор П.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Ж. «Полярная звезда». 1881 г., №3. С. 21.

¹³ Там же. С. 21.

приезд не оставил ощущения праздника. Во-первых, все были расстроены ходом Крымской войны, неблагоприятным для России.

Во-вторых, и в самом имении Шепелевых развертывались драматические события, которые тяжело ложились на сердце. На них Елизавета Васильевна только намекает: «Но житье изменилось, и прежней беззаботно-веселой жизни уже не могло быть».¹⁴

Я познакомила читателей с теми страницами (воспоминаний Е.В. Салиасде Турнемир о профессоре П.Н. Кудрявцеве, которые говорят о Выксе 50-х годов XIX века. Напрасно стали бы мы искать здесь строки о жизни рабочих, о Выксе трудовой. Их нет в статье Евгении Тур. Но воспоминания, несомненно, очень интересны. В них мы находим прекрасные зарисовки природы Выксы и живой очерк быта ее владельцев периода их разорения. Они дают характеристику одного из Шепелевых - Николая Дмитриевича - и опекуна - В.А. Сухово-Кобылина. Воспоминания эти знакомят нас с видным ученым и писателем того времени Петром Николаевичем Кудрявцевым, который в 1854 и 1855 годах побывал в Выксе.

Все это - новый, ещё неизвестный в местном краеведении материал, углубляющий наши знания о литературных и культурных связях Выксы в XIX веке.

---

¹² Е. Тур. «Профессор П.Н. Кудрявцев. Воспоминания». Ж. «Полярная звезда». 1881 г., №3. С. 42.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Васильевич Шестеров

Ученые гости «изрядно поселенной слободы»	3
Выкса	11
Выксунский парк	13
Золотое кольцо	14
Родной брат Выксы	16
«Поехал я на Выксу»	20

Валентина Васильевна Балдина

Письма больше, чем воспоминания	31
О чем рассказало старинное письмо	50
Воспоминания весьма отрадны	56

Издательство **A4**
603000, Нижний Новгород
ул. Короленко, д. 19^А
Телефон: (8312) 77-10-99
E-mail: a4@infonet.nnov.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО «Нижегородский печатник»
603116, Нижний Новгород,
ул. Гордеевская, 7
Телефон: (8312) 41-02-69
E-mail: oao_np@mail.ru

Подписано в печать 23.02.07
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Усл. печ. л. 3,34. Уч.-изд. л. 2,97
Тираж 999 экз. Заказ № 1190

*Общество выксунских краеведов благодарит
главу администрации района Алексея Степановича Соколова
и начальника управления культуры Юрия Владимировича Жулина
за помощь в издании альманаха*